

МОНГОЛЫ В СОСТАВЕ КОЧЕВНИКОВ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ): ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

В.А. Иванов

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
Уфа, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru*

Цель: показать, что среди многочисленных кочевнических погребений Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII–XIV вв. имеются и погребения собственно монголов, дать их морфологическую характеристику и очертить ареал распространения.

Материалы исследования: работа основана на результатах сравнительно-типологического анализа погребений под каменными курганами, представленных как на территории Улуса Джучи, так и на востоке Степной Евразии: Монголия, Забайкалье, Алтай, Тянь-Шань.

Результаты и научная новизна: монгольское завоевание Восточноевропейских степей, естественно, подразумевает присутствие и самих завоевателей на захваченных территориях, что должно иметь свое отражение в археологических памятниках. Однако долгое время, в силу исторически сложившихся в археологии средневековых кочевников Евразии обстоятельств, материалы с востока Великой Степи поступали крайне незначительно. Поэтому все попытки этнической интерпретации кочевнических памятников XIII–XIV вв. Восточной Европы отталкивались от выяснения степени их типологической близости с кыпчакско-половецкими памятниками, известными на этой территории в большом количестве. Что же касается собственно монголов, то их влияние на культуру кочевников Золотой Орды рассматривалось через призму появления здесь комплекса вещей – предметы конского снаряжения, вооружения, женских украшений и деталей костюма – не имевшего прототипов в культуре кыпчаков/половцев, а потому а priori относящегося к монголам. Отсутствие же выраженных монгольских погребальных памятников объяснялось в контексте высказывания ал-Омари об ассимиляции «татар»-завоевателей местными племенами. К настоящему времени источниковедческая ситуация в археологии средневековых кочевников востока Степной Евразии существенно изменилась – доступная источниковая база возросла в разы, что дало возможность провести сравнительно-типологический анализ кочевнических погребений с территории Улуса Джучи и исходных территорий монгольского нашествия. Результатом явилась возможность выделить среди кочевнических памятников Золотой Орды погребения, оставленные монголами, дать их морфологическую характеристику и определить географию распространения в степях Восточной Европы.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, кочевники, монголы, каменные курганы

Для цитирования: Иванов В.А. Монголы в составе кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 636–651. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651

**MONGOLIAN NOMADS IN THE ULUS OF JOCHI (GOLDEN HORDE)
ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL MATERIALS**

V.A. Ivanov

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
Ufa, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru*

Abstract: *Objective:* To show that among the many nomadic burials of the ulus of Jochi (Golden Horde) of the thirteenth and fourteenth centuries there are also burials of the Mongols proper, to give their morphological characteristics, and outline the distribution area of burials.

Materials: The results of a comparative-typological analysis of burials under stone barrows both in the territory of the ulus of Jochi and in the east of the Eurasian steppe: Mongolia, Transbaikalia, Altai, and Tien Shan.

Results and novelty of the research: The fact that the Mongols conquered the steppes of Eastern Europe implies the presence of the Mongols in the conquered territories, and this should be reflected in archaeological materials. However, for a long time, due to the peculiarities of the development of the archaeology of the medieval nomads of Eurasia, archaeological materials from the east of the Great Steppe were at the disposal of researchers in extremely small amounts. Therefore, all attempts to determine ethnicity regarding the nomadic monuments of the thirteenth and fourteenth centuries in Eastern Europe were based on their comparison with the numerous Kipchak monuments in this territory. In turn, the Mongolian influence on the culture of the Golden Horde nomads was considered through the prism of the appearance of a complex of objects that had not been previously encountered with the Kipchak culture and therefore were perceived to be Mongolian ones, a priori: items of horse equipment, weapons, women's jewelry and costume details. For its part, the absence of characteristic Mongolian burials was explained by the assimilation of the Mongols by local tribes, based on a corresponding statement by al-Umari. To date, the volume of archaeological materials from the east of Eurasian Steppe has substantially increased, allowing one to carry out a comparative-typological analysis of nomadic burials in the territories of the ulus of Jochi and Mongolia. In turn, this analysis made it possible to distinguish the Mongol burials among the nomadic monuments of the Golden Horde, provide their morphological characteristics, and determine the geography of their distribution in the steppes of Eastern Europe.

Keywords: ulus of Jochi, Golden Horde, nomads, Mongols, stone mounds

For citation: Ivanov V.A. Mongolian Nomads in the Ulus of Jochi (Golden Horde) According to Archaeological Materials. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 636–651. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651

Введение

В течение многих десятилетий этнический состав кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) воспринимался и оценивался в контексте сакраментального сообщения ал-Омари, которое здесь приводится (в переводе и публикации В.Г. Тизенгаузена): «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что

Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ея природе, как мы сказали выше».

Поскольку этническую принадлежность населения, оставившего те или иные археологические памятники (в нашем случае – кочевнические погребения XIII–XIV вв.), без опоры на сведения современников-нарративистов определить крайне затруднительно, исследователи кочевнических древностей Золотой Орды долгое время в своих этнических интерпретациях опирались на приведенное выше сообщение ал-Омари. В частности, Г.А. Федоров-Давыдов – основоположник кочевнической археологии Золотой Орды – этническую принадлежность кочевников, оставивших в степях Восточной Европы курганы XIII–XIV вв., определял через призму сходства их погребального обряда с обрядом кыпчаков/половцев предшествующего монгольскому нашествию периода. Полученные результаты привели исследователя к выводу о том, что монгольское нашествие не привело к заметному изменению этнического состава кочевников восточноевропейских степей, хотя и вызвало подвижки основной массы кочевников Поросья (торков – черных клобуков) на запад в Поднепровье и на восток в Нижнее Поволжье. Но этнически это были те же кыпчаки/половцы [30, с. 152–153]. Что же касается собственно монголов-завоевателей, то, как считал Г.А. Федоров-Давыдов, «... в Восточной Европе нет погребальных памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт». Хотя элементы монгольской культуры – бокка, онгоны, захоронения в могилах с подбоем – в погребениях кочевников Золотой Орды присутствуют [30, с. 157].

Вместе с тем, известные в восточноевропейских степях погребения XIII–XIV вв. с северной ориентировкой исследователь связывал с кочевниками, пришедшими с востока, из Центральной Азии и Южной Сибири в составе монгольского нашествия [30, с. 159].

Аналогичным образом определяли этническую принадлежность кочевников Заволжья и Южного Предуралья золотоордынского периода В.А. Кригер и автор этих строк. Правда, тогда нам казалось, что курганы, морфологически отличающиеся от кыпчакских/половецких (захоронения под каменными конструкциями, северная ориентировка погребенных), оставлены в регионе кыпчакскими племенами, выделившимися из кимако-кыпчакского союза племен после распада Кимацкого каганата [12, с. 66].

В последующем, по мере накопления археологического материала, другими исследователями были высказаны и другие точки зрения об этнической принадлежности кочевников, оставивших в регионе погребения под «каменными курганами». Суть их сводится к тому, что среди этих племен преобладали кочевники тюрко-монгольского происхождения: канглы, найманы, уйгуры и др. [16; 19; 24; 31].

Наиболее определенно по поводу роли и места собственно кыпчаков в этнической карте степей Южного Приуралья и Зауралья высказывался В.П. Костюков. Опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, он считал, что на территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район плотной

локализации «каменных курганов») в XIII–XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, «в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [16].

В том, что земляные и «каменные» курганы XIII–XIV вв. в степях Урало-Поволжья оставлены племенами, этнически не идентичными, сейчас уже сомневаться не приходится. И наиболее верным сейчас представляется вывод В.П. Костюкова, согласно которому в XIII–XIV вв. степи Южного Приуралья занимали кочевые племена, представленные в регионе погребениями, совершенными под каменными конструкциями, чья «жизнь до начала XIII в. была целиком связана с центральноазиатским регионом и смежными с ним (среднеазиатскими) областями (выделено мной – В.И.)» [19, с. 110]. То есть, не потомками кыпчаков/половцев предшествующего, домонгольского периода!

Обсуждение

Какова же морфологическая характеристика кочевнических погребений XIII–XIV вв., в свое время выделенных в условно-типологическую группу «каменные курганы» [12, с. 43]? Начнем с их географии в исторических границах Улуса Джучи – Золотой Орды. Если взять за основу карту В. Темушева «Административно-территориальное деление Орды в XIII–XIV вв.» [28], то на территориях, расположенных между Иртышом и низовьями Дуная, «каменные курганы» локализуются следующим образом.

Всего на этой территории известно 207 погребений, совершенных под каменными конструкциями. Что составляет 18,4% от общего количества кочевнических погребений, изученных на территории Улуса Джучи (1121 погр.)¹. Из них 10,7% расположены к востоку от Волги (рис. 1). Остальные локализуются следующим образом: Волго-Донское междуречье – 0,2%; бассейн р. Дон – 0,7%; Северный Кавказ – 2,3%; Левобережная Украина и Крым – 3,2%; Правобережная Украина – 0,7%; Прикарпатье с Дунайским устьем – 0,2%.

По своим внешним признакам надмогильные сооружения рассматриваемых погребений разделяются на шесть типов:

I тип – куча камней над могилой – 7,7%² (рис. 2, 1);

II тип – насыпь из земли вперемешку с камнем – 26% (рис. 2, 12);

III тип – каменная выкладка круглой, овальной или прямоугольной формы над могилой – 50,2% (рис. 2, 4,6);

IV тип – каменное кольцо вокруг могилы – 19,3%³ (рис. 2, 10);

V тип – каменный «панцирь» (земляная насыпь перекрытая слоем камня) – 15,9% (рис. 2, 11);

VI тип – каменные оградки прямоугольной или овальной формы – 8,7% (рис. 2, 8).

¹ Все количественные данные взяты из электронной базы данных, составленной Г.Н. Гарустовичем (ум. в 2016 г.) и мною в течение 1991–2019 гг. Естественно, эта база постоянно пополняется.

² При данном объеме выборки и критерии значимости = 0,95 нижний порог значимости признака будет равен 2% [4, с. 64].

³ Сооружались также и под земляными курганами (Жаман-Каргала I, Урал, Новый Кумак, Рясные могилы и др.), каменно-земляными курганами (Тлявгуловский, Новый Кумак), каменными выкладками (Тлявгуловский, Жаман-Каргала I, Рясные могилы).

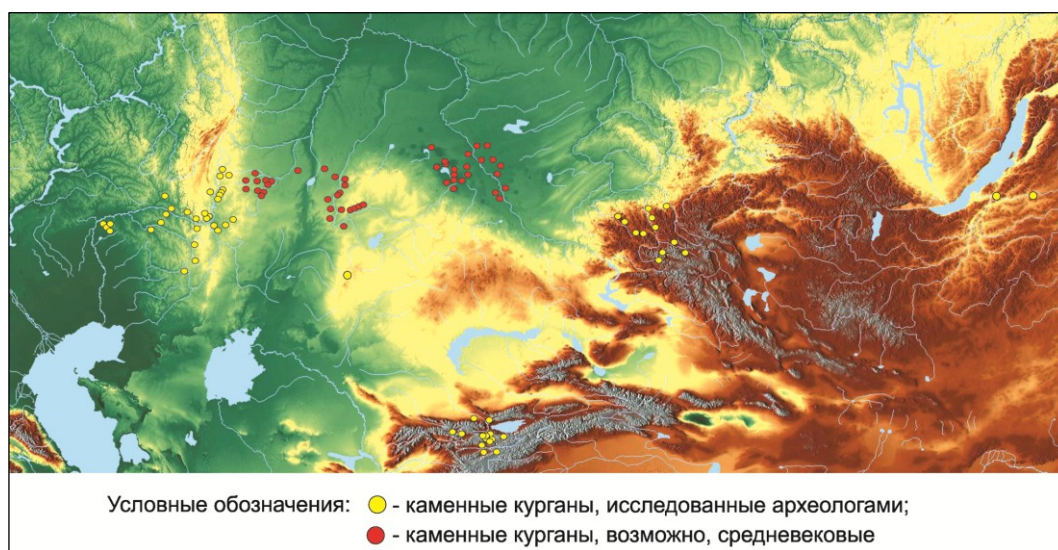

Рис. 1. Карта-схема каменных курганов на востоке Степной Евразии

Курганы Тянь-Шаня (по К.Т.Акматову): Кен-Булун, Тегирмен-Сай, Таш-Башат, Беш-Каракчы, Кара-Булун, Бел-Саз, Чап, Боз-Бел, Кара-Куджур, Эки-Нарын, Ала-Мышык, Секи-Оток, Боз-Адыр, Сюттуу-Булак.

Курганы Алтая (по А.А.Тишкину): Суханиха, Часовенная Гора, Хемчик-Бом, Сарыг-Хая, Аймырлыг, Кудыргэ, Усть-Бийке, Ак-Алха, Верхняя Еланда, Бертек.

Курганы Южного Предуралья: Агаповский, Агаповские горы, Ишкуловский, Покровский IV, Большевик II, III, Березовский V, Новоорский, Новый Кумак I–III, у Обелиска Славы (г.Орск), Озерновский, Комсомольский, Худай-Берген, Хабарный, Тлявгуловский, Андреевский, Жаксы-Каргала, Шпаки, Новая База, Тамар-Уткуль, Илецкая защита, Урал, Новочеркасский VII, Жарсуат, Дебедевка IV, VI, VIII.

Красным цветом обозначены курганы, представленные в «Археологической карте Казахстана» (Алма-Ата, 1960). Номера памятников см. [9, рис. 27].

Рис. 1. Schematic map of the stone mounds east Eurasian Steppe

Tien Shan Mounds (according to K.T. Akmatov): Ken-Bulun, Tegirmen-Say, Tash-Bashat, Besh-Karakchy, Kara-Bulun, Bel-Saz, Chap, Boz-Bel, Kara-Kudzhur, Eki-Naryn, Ala-Myshyk, Seki-Otok, Boz-Adyr, Syuttuu-Bulak.

Mounds of Altai (on A.A.Tishkinu): Sukhanikha, Chasovennaya Gora, Khemchik-Bom, Saryg-Khaya, Aymyrylg, Kudyrgе, Ust'-Biyke, Ak-Alkha, Verkhnyaya Elanda, Bertek.

Mounds of the South Urals: Agapovskiy, Agapovskie gory, Ishkulovskiy, Pokrovskiy IV, Bol'shevik II, III, Berezovskiy V, Novoorskiy, Novyy Kumak I–III, u Obeliska Slavy (g.Orsk), Ozernovskiy, Komsomol'skiy, Khuday-Bergen, Khabarnyy, Tlyavgulovskiy, Andreevskiy, Zhaksy-Kargala, Shpaki, Novaya Baza, Tamar-Utkul', Iletskaya Zashchita, Ural, Novo-cherkasskiy VII, Zharsuat, lebedevka IV, VI, VIII.

The mounds represented in the “Archaeological Map of Kazakhstan” (Alma-Ata, 1960) are marked in red. Memorial numbers see [9, fig. 27].

Общая сумма частоты встречаемости перечисленных типов надмогильных сооружений, значительно превышающая «нормальные» 100%, объясняется тем, что некоторые из них встречаются в сочетаниях. Например, в Тлявгуловском и Новочеркасском могильниках каменно-земляные насыпи перекрывали каменные выкладки над могилами, в том же Тлявгуловском могильнике (кург. 4) Но-

во-Кумакском (кург. 35), Черемшино (кург. 1), Гора Дооб под каменно-земляными насыпями скрывались каменные кольца вокруг могилы и т.д.

«Каменные курганы» содержат по одному погребению. По своей внутренней конструкции могилы разделяются на пять типов:

I тип – простые могилы с вертикальными стенками и ровным дном – 66,3% (рис. 2, 2,3,5,7);

II тип – подбойная могила со ступенькой у входа в подбой – 9,2% (рис. 2, 14)

III тип – могила со ступенькой вдоль длинной стенки слева от человека – 6,3% (рис. 2, 15);

IV тип – могила со ступеньками вдоль длинных стенок – 3,4% (рис. 2, 9);

V тип – могила с подбоем вдоль длинной стенки, дно которого на одном уровне с дном входной ямы – 2,4% (рис. 2, 16).

В каждой четвертой могиле I типа сохранились остатки деревянного перекрытия в виде коротких плашек или досок, уложенного на какие-то подпорки, при раскопках не фиксирующиеся (перекрытие на засыпи могилы) (рис. 2, 13), а в каждой третьей подбойной могиле выявлены следы деревянного перекрытия входа в подбой.

География типов могильных ям следующая: могилы I типа распространены повсеместно, могилы II типа чаще всего встречаются на Левобережной Украине (12 из 19), могилы III типа локализуются в Южном Предуралье (9 из 13)⁴, могилы IV типа – в Поднепровье.

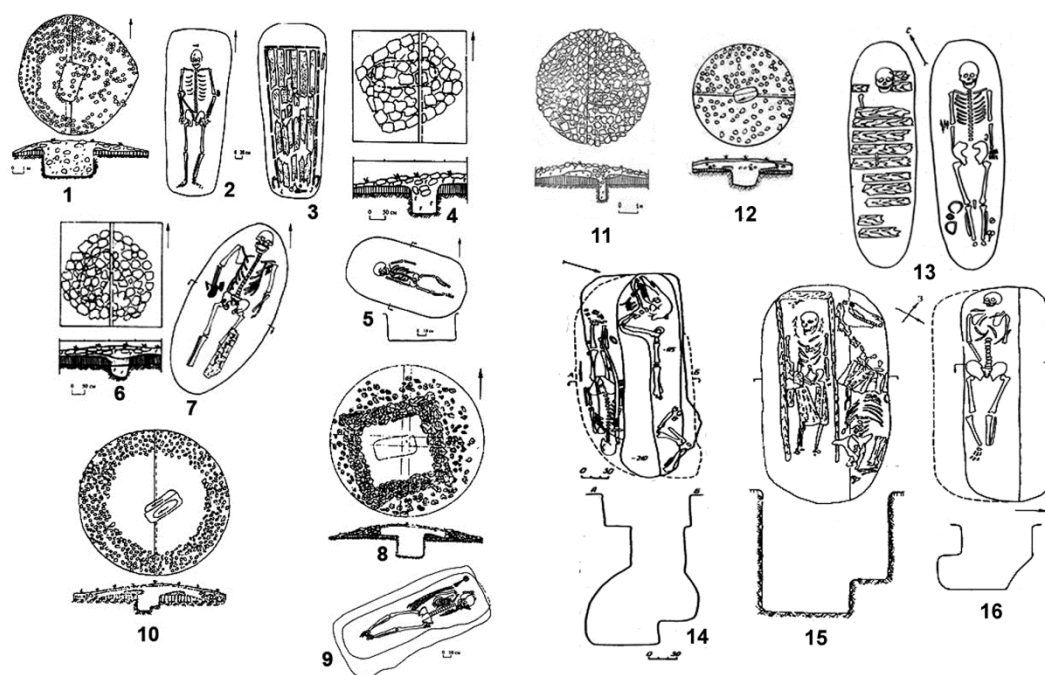

Рис. 2. Типы надмогильных сооружений и погребений под каменными курганами Южного Предуралья

Pic. 2. Types of grave structures and burials under stone barrows of Southern Urals

⁴ Там же – могилы с деревянным перекрытием.

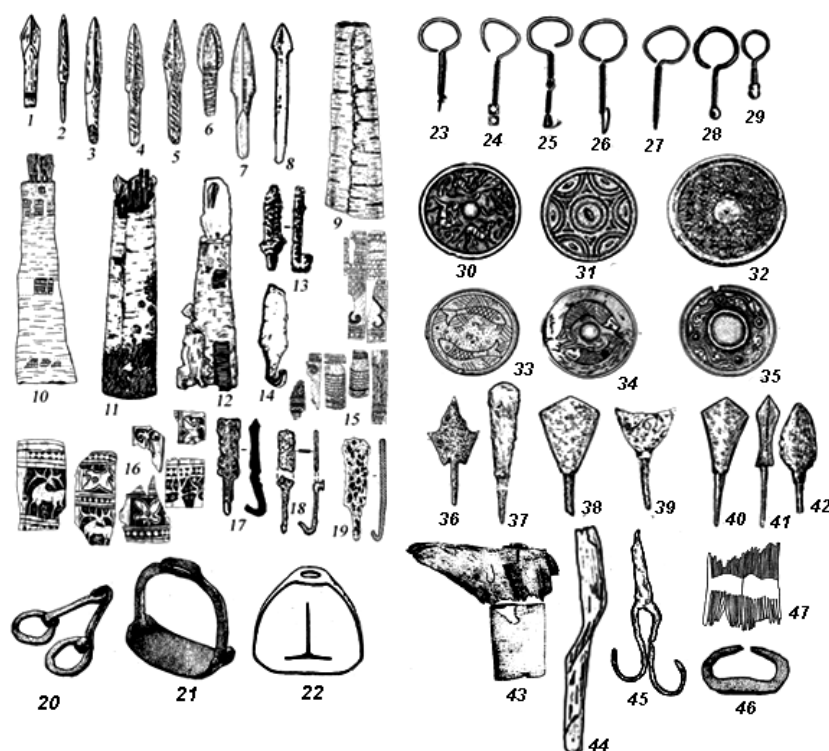

Рис. 3. Вещи из погребений под каменными курганами Южного Предуралья

1–8 – костяные наконечники стрел; 9–12 – берестяные колчаны; 14, 17–19 – железные крючки для подвешивания колчана; 15, 16 – костяные обкладки колчана; 20 – удила; 21, 22 – стремена; 23–29 – серьги-подвески; 30–35 – бронзовые зеркала; 36–42 – железные наконечники стрел; 43–44 – детали головного убора бокка/богтаг; 45 – ножницы; 46 – кресало; 47 – деревянный гребень.

Рис. 3. Objects from burials under the stone barrows of the Southern Cis-Urals.

1–8 – bone arrowheads; 9–12 – birch bark quivers; 14, 17–19 – iron hooks for hanging a quiver; 15, 16 – bone plates of the quiver; 20 – bit; 21, 22 – stirrups; 23–29 – pendant earrings; 30–35 – bronze mirrors; 36–42 – iron arrowheads; 43–44 – details of the headgear of the side / bogtag; 45 – scissors; 46 – a chair; 47 – a wooden comb.

Остатки дощатого гроба или колоды зафиксированы в 16,4% и 2% могил соответственно, а в 5,3% погребений умерший был уложен в деревянную раму без дна и крышки (рис. 2, 2,3,15). В 2,9% рассматриваемых погребений умерший был уложен на подстилку из органического материала, возможно луба. Погребения в дощатых гробах встречены в основном в Южном Предуралье и на Северном Кавказе (из 34 известных 11 и 12 соответственно).

Умерших хоронили в позе на спине с вытянутыми конечностями. Ориентировка головой следующая: строго на запад – 28%; северо-восток – 14,6%; северо-запад – 12,7%; север – 9,2%; юго-запад – 8,8%; восток – 4,8%; юг – 2,4%. У 16% погребений ориентировка не определена.

География ориентировки погребенных следующая: западная, северо-восточная и северная ориентировки доминируют в памятниках Южного Предуралья: от указанных выше частот встречаемости 16,7%, 9,2% и 7,7% соответственно.

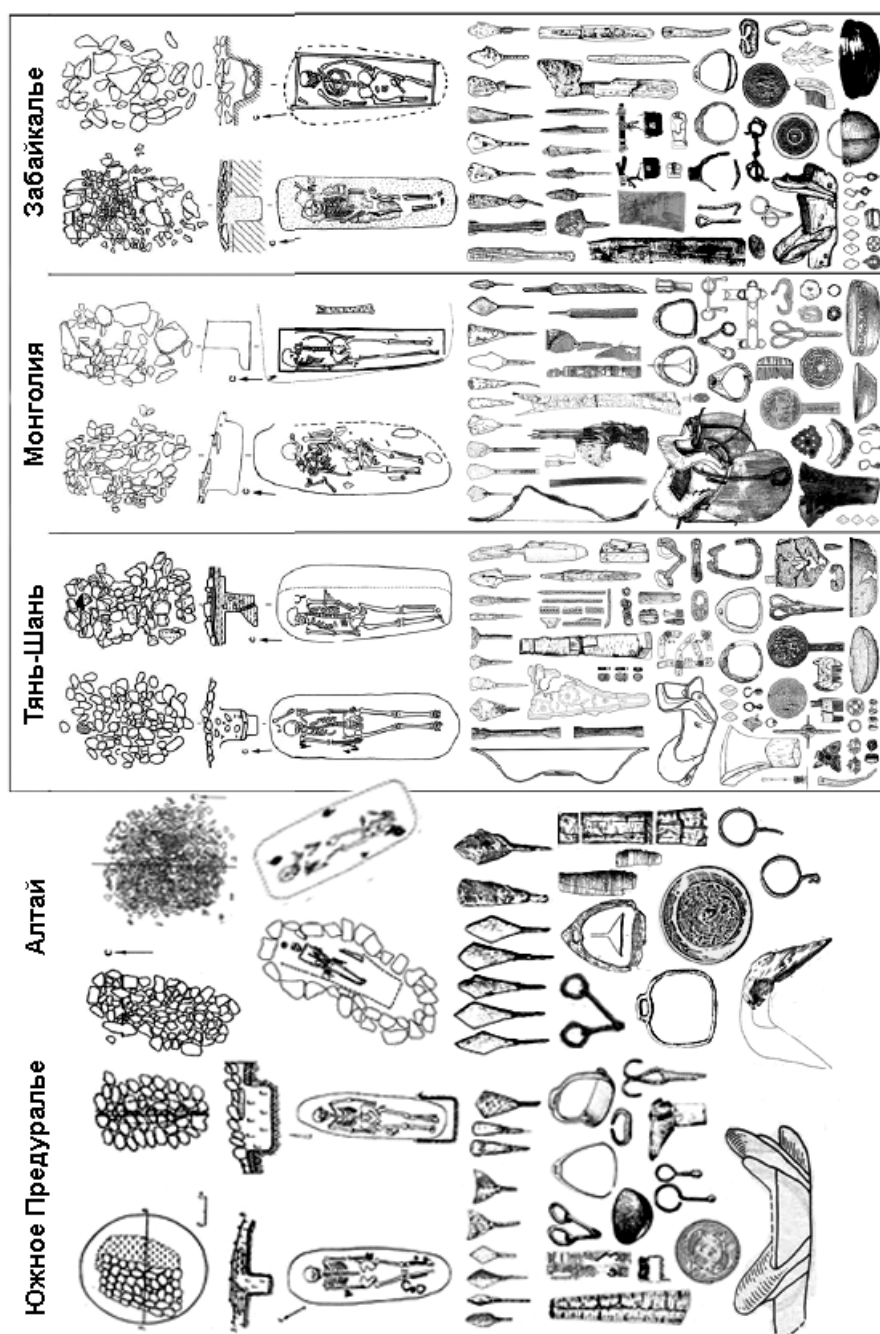

Рис. 4. Погребения под каменными курганами Степной Евразии.

Тянь-Шань, Монголия, Забайкалье – по К.Т.Акмагову

Южное Предуралье – по К.Т.Акмагову

Tien Shan, Mongolia, Transbaikalia – according to K.T.Akmatov

Некоторую часть из рассматриваемых погребений – 12,2% – можно трактовать как всаднические, поскольку они содержат ритуальные захоронения останков коня – череп и кости ног (шкура) или целый остов (туша). Первые составляют 3,4% (7 погребений) от указанного выше числа конских захоронений (рис. 2, 14, 15). Территориально они распределяются так: Южное Предуралье – 4 погребения (Лебедевка VI и VIII, Новоорский I, Жарсуат), остальные – на Дону (Черемшино) и Левобережной Украине (Шахтерск, Белое).

География погребений с целой тушей коня еще более выразительна: из 18 известных погребений 12 – в Южном Предуралье (Глявгуловский, у пос. Большевик II и III, Урал, Новый Кумак), остальные – на Дону (Нижне-Кундрючинская), в Крыму (Станция Битумная), на Левобережной (Житенко) и Правобережной Украине (Дымовка).

К категории всаднических относятся и 18,3% погребений, в которых нет остатков конских захоронений, но есть принадлежности конской сбруи – удила, стремяна – уложенные у ног погребенного (рис. 2, 13).

Еще один признак погребальной обрядности «каменных курганов» – достаточно часто встречающиеся в погребениях остатки заупокойной пищи в виде костей животных – 15% погребений. Из них кости определены в 10,1% погребений – овца. Располагались они, как правило, в изголовье могилы.

География распространения погребений с остатками пищи такова: из 15% погребений 8% представлены в памятниках Южного Предуралья.

Абсолютное большинство рассматриваемых погребений (88,4%) сопровождаются вещами. Мужские – предметами вооружения, женские – украшениями. И те, и другие – предметами конского снаряжения (удила, стремяна) и ножами. О материальной культуре кочевников Золотой Орды написано много и подробно, включая и географию распространения ее маркирующих элементов [9, гл. 3; 11; 14; 26; 27; 20]. Поэтому есть смысл сразу перейти к выявлению тесноты встречаемости отдельных категорий и типов вещей в погребениях, свидетельствующей как о синхронности их бытования, так и о степени их «характерности» для материальной культуры рассматриваемой группы кочевников Золотой Орды.

Фактически, практически все предметы, встречающиеся в «каменных курганах», образуют между собой положительную связь⁵, значения которой (Q) колеблются в диапазоне от 0,68 (сильная связь – кольчатые двусоставные удила и два стремяна до 0,115 (связь положительная, но очень слабая – костяные наконечники стрел и медный сосуд).

Если оперировать такими расхожими определениями, как «характерный – нехарактерный», то для материальной культуры кочевников Золотой Орды, оставивших «каменные курганы», характерными были: для мужских захоронений – конская узда (стремени и удила), стрелы с железными наконечниками-срезнями, помещенные в берестяной колчан, украшенный костяными, покрытыми резным орнаментом накладками, шлем с кольчугой или пластинчатым (ламеллярным) доспехом, кресало, нож; для женских – серьги в виде знака вопроса, бокка/богтаг, бронзовое зеркало, ножницы (рис. 3). То есть, тот набор предметов, который, по мнению некоторых исследователей, составляет «имперскую культуру Золотой Орды» [13, с. 107]. И хотя у меня вызывает сомнение правомерность распространения этого понятия – «имперская культура» – на культуру кочевников Золотой Орды [9, с. 126–127], но и оспаривать тот факт, что с монгольским завоеванием в степях Восточной Европы распространяется новый тип материальной культуры, не имеющей местных половецко-кипчакских корней и быстро ставшей надэтнической, также нет оснований.

⁵ Расчеты парной корреляции Пирсона проводились по стандартной программе SPSS.

Чего нельзя сказать о культуре духовной, в данном случае выражающейся в языческой погребальной обрядности и имеющей жесткую привязку к определенному этносу.

Резюмируя сказанное выше, исходя из указанного выше критерия значимости, основной район локализации погребений под «каменными курганами» – это степи Южного Предуралья, Северный Кавказ и Левобережная Украина с Крымом. Остальные из указанных территорий для имеющейся выборки имеют случайный характер. Захоронения совершались в основном под каменными площадками-выкладками или под каменно-земляными насыпями, в простых могилах с вертикальными стенками и ровным дном, часто перекрытых деревянным настилом. Преобладающая ориентировка погребенных западная. Но если исходить из основного азимута, то более 30% всех погребений лежат головой в его северной половине. Конские захоронения в могилах встречаются редко, конская сбруя без коня – чаще.

Выше уже было сказано, что этническая принадлежность кочевников, оставивших эти памятники, к кипчакам/половцам подвергается сомнению. Более того, результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда земляных и «каменных» курганов Урало-Поволжья XIII–XIV вв. показывают, что оставлены они племенами, этнически не идентичными. Наглядное тому свидетельство – низкое значение коэффициента формально-типологического сходства между сравниваемыми группами памятников ($C_3=0,38$) [10, с. 143].

Исследователи, во многом интуитивно, истоки и аналогии погребениям под «каменными курганами» искали на востоке Степной Евразии и высказывали предположения о том, что они оставлены кочевниками тюрко-монгольского происхождения – канглы, найманами, уйгурами и др. [17; 23]. Сейчас можно с высокой степенью вероятности считать, что эти предположения коллег вполне реалистичны, поскольку подтверждаются результатами исследований сибирских, казахстанских и монгольских археологов. Особую значимость в плане решения поднятой в данной статье проблемы имеют материалы, приведенные в кандидатской диссертации казахстанского археолога Акматова К.Т., защищенной в 2017 г. на тему «Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время». В диссертации приведена сводная таблица комплексов монгольских погребений XII–XIV вв. с территории собственно Монголии, Забайкалья и Тянь-Шаня [1, с. 172], которые по своим морфологическим признакам не просто аналогичны, а идентичны синхронным комплексам Южного Предуралья⁶.

Взяв за основу опубликованный вариант этой таблицы [2, с. 70], я дополнил ее соответствующими материалами Алтая (могильники Кудыргэ, Верхняя Еланда, Ак-Алха-I и др. [29] и Южного Предуралья. Результаты получились впечатляющими: «каменные курганы» Южного Предуралья по морфологическим признакам погребального обряда, ассортименту и типам погребального инвентаря обнаруживают практически полную идентичность с каменными курганами XII–XIV вв. с восточных территорий степной Евразии. Население, их оставившее, однозначно идентифицируется как монгольское (на Алтае – найманы) [29, с. 4; 2, с. 75–76]. И мне представляется, что мы имеем достаточ-

⁶ Точнее, с учетом хронологии сравниваемых комплексов, последние идентичны монгольским, забайкальским и тянь-шанским.

но оснований данное определение распространить и на кочевников, оставивших в Южном Предуралье «каменные курганы» XIII–XIV вв.

Беру на себя смелость утверждать, что данный вывод подтверждается и антропологическим материалом. Уфимский антрополог Р.М. Юсупов в своих исследованиях неоднократно утверждал, что в XIII–XIV вв. кыпчаки⁷ не оказывали заметного влияния на процесс расогенеза кочевников Южного Предуралья. Вместе с тем, именно в краниологии зауральских башкир, живущих на основной территории распространения «каменных курганов» в регионе, исследователь отмечал наибольшую монголоидную примесь, представленную южносибирским антропологическим типом [3, с. 111].

Заключение

Данная статья носит источниковедческий характер, поэтому делать далеко идущие исторические выводы пока считаю преждевременным. Однако некоторые соображения, долженствующие дополнить и расширить эмпирическое поле этнополитической, конфессиональной истории Золотой Орды, напрашиваются сами собой.

Во-первых, основной район локализации «каменных курганов» Уральского региона – это территория Улуса Шибана, в том виде, как она восстанавливается по письменным источникам [19, с. 97–98]. Среди племен, составлявших этот улус, В.П. Костюков, по данным письменных источников, называет племена найманов, карлуков, кушчи и буйрак. Этническая и языковая принадлежность этих племен до сих пор исследователями определяется неоднозначно: то ли тюрки, то ли монголы [19, с. 103–109]. Не углубляясь в проблему, подчеркну только, что погребальная обрядность у них, судя по имеющемуся археологическому материалу, была все-таки монгольская.

Во-вторых: в настоящее время участие Шибанидов в политической истории Улуса Джучи (Золотой Орды) прослеживается весьма туманно (по причине отсутствия надлежащих сведений в письменных источниках) – то ли они могли участвовать в «Ордынской замятне», то ли участвовали в борьбе за сарайский трон [8, с. 695–698]. При любом допуске данное обстоятельство следует расценивать как фактор, усиливающий ожесточенность «замятни», поскольку монгольский преимущественно контингент шибанидского войска по своей ментальности был чужд и городу, и исламу, да и кипчакам, составившим большинство кочевого населения Золотой Орды.

В-третьих, «монгольский фактор», как мне представляется, нельзя не учитывать и при дальнейших разработках конфессиональной истории Золотой Орды. Известно, что монгольские племена мусульманами не были и не стали, а вот буддизм и ламаизм, как считал В.П. Костюков, кочевникам Улуса Шибана были не чужды [15; 18; 7]. Собственно, мусульманские погребения среди «каменных курганов» Южного Предуралья тоже известны⁸, но – единичные [9, с. 152]. И, очевидно, не случайно поздние тюркские народы, проживающие на бывших территориях Улуса Шибана – башкиры, казахи – сторонними наблюдателями воспринимались как «плохие мусульмане», в не-

⁷ А для Южноуральского региона это – погребения под земляными курганами.

⁸ По крайней мере, по таким признакам, как их принято традиционно воспринимать: без вещей, западная ориентировка, кыбла.

меньшей степени, чем ортодоксальному исламу, подверженные языческим предрассудкам [22, с. 73–75; 5, с. 107; 140–141; 21, с. 169].

Таким образом, опираясь на известный археологический материал, мы имеем возможность проследить географию и, в какой-то степени, масштабы распространения монголов по территории Восточноевропейской степи (Золотой Орды). Судя по имеющимся археологическим данным, наиболее плотно они обитали в границах Улуса Шибана, где, очевидно, и составляли этническое ядро кочевого населения. На западе Степной Евразии (Правое крыло Золотой Орды) их памятники также фиксируются, но уже не в таком концентрированном виде: Северный Кавказ, Левобережная Украина. И если среди кочевников Правого крыла Золотой Орды – Северный Кавказ, Левобережная Украина – процесс метисации кочевого населения был достаточно интенсивным (по ал-Омари, земля, т.е. местные половецко-кыпчакские племена, брала верх над завоевателями-монголами) [6, с. 77–79; 25, с. 180–185], то на Левом крыле этого государства (в частности – в Улусе Шибана) этот процесс, очевидно проходил более замедленными темпами. О чем средневековый автор мог и не знать.

Возможное объяснение этому явлению может содержаться в общей географии каменных курганов Степной Евразии: на представленной карте-схеме их распространения (рис. 1) видно, что они располагаются своеобразной дугой по северной периферии степей от Монголии до Южного Предуралья⁹. И при таком раскладе каменные курганы Южного Предуралья будут составлять западную оконечность единого монгольского этнокультурного пространства XIII–XIV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акматов К.Т.* Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2017.
2. *Акматов К.Т., Табалдиев К.Ш.* Погребения под овальной каменной насыпью на Тянь-Шане и некоторые вопросы изучения средневековых монгольских погребальных комплексов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Том 16, №5: Археология и этнография. С. 68–81.
3. Антропология башкир / М.А. Бермишева, В.А. Иванов, Г.А. Киньябаева и др. СПб.: Алетей, 2011. 496 с.
4. *Генинг В.Ф.* и др. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наук. Думка, 1990. 304 с.
5. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч.2. СПб., 1799. 246 с.
6. *Добролюбовский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова думка, 1986. 131 с.
7. *Дрёмов И.И., Усманова Э.Р., Панюшкина И.П.* Монгольские буддийские погребения Улуса Джучи в Улытау // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history1752.su/mongolskie-buddijskie-pogrebeniya-ulusa-dzhuchi-v-ulytau/>
8. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
9. *Иванов В.А.* Кочевники Золотой Орды [Текст]: монография // В.А. Иванов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с. + илл.

⁹ Я уже писал, что на Археологической карте Казахстана можно найти курганы, по своим внешним параметрам могущие относиться к интересующему нас времени [9, с. 193–194].

10. *Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии [текст]: коллект. Монография / *В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович, Я.В. Пилипчук.* Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
11. *Иванов В.А., Иванова М.И.* География маркёров материальной культуры кочевников Золотой Орды // *Археология евразийских степей.* 2018. №4. С. 60–65.
12. *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 91 с.
13. *Исхаков Д.М., Измаилов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
14. *Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 16 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 212 с. + 8 с. цв. вкл.
15. *Костюков В.П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // *Тюркологический сборник 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран.* 2009. С. 189–236.
16. *Костюков В.П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // *Тюркологический сборник.* 2005. М., 2006. С. 199–237.
17. *Костюков В.П.* Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. *Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза).* Челябинск, 2006.
18. *Костюков В.П.* Курган с остатками столбовой конструкции из могильника Солнце-Талика в Южном Зауралье // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана.* 2008. №2. С. 194–210.
19. *Костюков В.П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.
20. *Кригер В.А.* Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск, 2012. 200 с.
21. *Левек П.-Ш.* История народов, подвластных России. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2016. 480 с.
22. *Лепехин И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772.
23. *Матюшко И.В.* Классификация погребального обряда кочевников IX–XIV вв. н.э. степей Приуралья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
24. *Матюшко И.В.* Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX–XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 211 с.
25. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: АГПУ, 2005. 210 с.
26. *Руденко К.А.* Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // *Татарская археология.* 2004. №1–2 (12–13). С. 111–156.
27. *Руденко С.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2003. 512 с.
28. *Темушев В.* Карты по истории Золотой Орды. Эл. ресурс. Режим доступа <http://www.hist-geo.net/index.php?p=131&more=1&c=1&tb=1&pb=1>
29. *Тишкин А.А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
30. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 273 с.

31. Яминов А.Ф. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 435–443.

Сведения об авторе: Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (450008, ул. Октябрьской революции, 3А, Уфа, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7243-2588>. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила 20.08.2019 Принята к публикации 29.11.2019
Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Akmatov K.T. *Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie kochevnikov Tyan'-Shanya v mongol'skoe vremya. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Arms and Horse Equipment of the Tien Shan Nomads during the Mongol Period. PhD Thesis]. Novosibirsk, 2017. (In Russian)
2. Akmatov K.T., Tabaldiev K.Sh. Pogrebeniya pod oval'noy kamennoy nasyp'yu na Tyan'-Shane i nekotorye voprosy izucheniya srednevekovykh mongol'skikh pogrebal'nykh kompleksov [Burials under an oval stone embankment in the Tien Shan and some questions of the study of medieval Mongolian burial complexes]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology]. 2017. Vol. 16, no. 5, pp. 68–81. (In Russian)
3. *Antropologiya bashkir* [Anthropology of the Bashkirs] M.A. Bermisheva, V.A. Ivanov, G.A. Kin'yabaeva i dr. St. Petersburg: Aletyya, 2011. 496 p. (In Russian)
4. Gening V.F. i dr. *Formalizovanno-statisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Formalized Statistical Methods in Archaeology (analysis of funerary monuments)]. Kyiv: Nauk. Dumka, 1990. 304 p. (In Russian)
5. Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov* [Description of All Peoples Living in the Russian State]. Part 2. St. Petersburg, 1799. 246 p. (In Russian)
6. Dobrolyubskiy A.O. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya* [Nomads of the Northwestern Black Sea Region in the Middle Ages]. Kyiv: Naukova dumka, 1986. 131 p. (In Russian)
7. Dremov I.I., Usmanova E.R., Panyushkina I.P. *Mongol'skie buddiyskie pogrebeniya Ulusa Dzhuchi v Ulytau* [Mongolian Buddhist Burials of the Ulus of Jochi in Ulytau]. Available at: <http://history1752.su/mongolskie-buddiyskie-pogrebeniya-ulusa-dzhuchi-v-ulytau> (In Russian)
8. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya* [The Golden Horde in World History. Collective Monograph]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)
9. Ivanov V.A. *Kochevniki Zolotoy Ordy: monografiya* [Nomads of the Golden Horde: Monograph]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Aknulla Publ., 2015. 208 p. + ill. (In Russian)
10. Ivanov V.A., Garustovich G.N., Pilipchuk Ya.V. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii: kollekt. monografiya* [Medieval Nomads on the Border of Europe and Asia: Collective Monograph]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Aknulla Publ., 2014. 396 p. (In Russian)

11. Ivanov V.A., Ivanova M.I. Geografiya markerov material'noy kul'tury kochevnikov Zolotoy Ordy [The Geography of Markers of the Material Culture of the Golden Horde Nomads]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2018, no. 4, pp. 60–65. (In Russian)
12. Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Mounds of Kypchak Time in the Southern Urals (12th–14th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 91 p. (In Russian)
13. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethnopolitical History of the Tatars (3rd – mid 16th centuries)]. Kazan: RITs “Shkola”, 2007. 356 p. (In Russian)
14. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksesuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy tipologiya i sotsiokul'turnaya interpetatsiya* [Elements of Decoration and Accessories of the Costume of the Golden Horde Nomads (typology and sociocultural interpretation)]. Seriya “Arkheologiya evraziyskikh stepey”. Is. 16. Otv. red. I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. 212 p. + 8 ill. (In Russian)
15. Kostyukov V.P. Buddizm v kul'ture Zolotoy Ordy [Buddhism in the Culture of the Golden Horde]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2007–2008: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [Studia Turkologica 2007–2008: History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Neighboring Countries]. 2009, pp. 189–236. (In Russian)
16. Kostyukov V.P. Byla li Zolotaya Orda «Kipchakskim khanstvom»? [Was the Golden Horde the “Kipchak Khanate”?] *Tyurkologicheskiy sbornik. 2005* [Studia Turkologica. 2005]. Moscow, 2006, pp. 199–237. (In Russian)
17. Kostyukov V.P. *Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys. n.e. Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Cultural Transformations in the Ural-Kazakhstan Steppe in the first half of the second millennium AD. Archaeology of the South Urals. Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, 2006. (In Russian)
18. Kostyukov V.P. Kurgan s ostatkami stolbovoy konstruksii iz mogil'nika Solntse-Talika v Yuzhnom Zaural'e [Barrow with the remains of a pillar structure from the Solntse-Talik burial ground in the South Trans-Urals] *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of Western Kazakhstan]. 2008, no. 2, pp. 194–210. (In Russian)
19. Kostyukov V.P. *Ulus Shibana Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries] Pod red. I.M. Mirgaleeva. Kazan: Fen Publ., 2010. 200 p. (In Russian)
20. Kriger V.A. *Kochevniki Zapadnogo Kazakhstana i sopredel'nykh territoriy v srednie veka (X–XIV vv.)* [Nomads of Western Kazakhstan and Adjacent Territories in the Middle Ages (10th–14th centuries)]. Ural'sk, 2012. 200 p. (In Russian)
21. Levek P.-Sh. *Istoriya narodov, podvlastnykh Rossii* [History of Peoples Subject to Russia]. St. Petersburg: “Dmitriy Bulanin”, 2016. 480 p. (In Russian)
22. Lepekhin I. *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviya akademika i meditsiny doktora Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1770 godu* [Continuation of the Daily Notes of the Journey of the Academician and Doctor of Medicine, Ivan Lepekhin, in Different Provinces of the Russian State in 1770]. St. Petersburg, 1772. (In Russian)
23. Matyushko I.V. *Klassifikatsiya pogrebal'nogo obryada kochevnikov IX–XIV vv. n.e. stepey Priural'ya. Avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Classification of the Funeral Rite of the Nomads of the 9th–14th centuries AD in the Steppes of the Cis-Urals. PhD Thesis]. Kazan, 2008. (In Russian)

24. Matyushko I.V. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Stepnogo Priural'ya IX–XIV vv. [Funeral Rite of the Nomads in the Steppes of the Cis-Urals of the 9th–14th centuries]. Orenburg: OOO IPK “Universitet”, 2015. 211 p. (In Russian)

25. Narozhnyy E.I. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya epokhi Zolotoy Ordy)* [Medieval Nomads of the North Caucasus (some discussion problems of ethnocultural interaction of the Golden Horde era)]. Armavir: Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2005. 210 p. (In Russian)

26. Rudenko K.A. Metallicheskie zerkala zolotoordynskogo vremeni iz sobraniya Natsional'nogo muzeya Respubliki Tatarstan [Golden Horde metal mirrors from the collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan]. *Tatarskaya arkheologiya* [Tatar Archaeology] 2004, №1–2 (12–13), pp. 111–156. (In Russian)

27. Rudenko S.A. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoy Bulgarii. Issledovanie i catalog* [Iron Arrowheads of the 8th–15th centuries from the Volga Bulgaria. Research and Catalog.]. Kazan: “Zaman”, 2003. 512 p. (In Russian)

28. Temushev V. *Karty po istorii Zolotoy Ordy* [Maps on the History of the Golden Horde]. Available at: <http://www.hist-geo.net/index.php?p=131&more=1&c=1&tb=1&pb=1> (In Russian)

29. Tishkin A.A. *Altay v mongol'skoe vremya (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov)* [Altai during the Mongol Period (based on archaeological sites)]. Barnaul: Azbuka, 2009. 208 p. (In Russian)

30. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological Sites]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1966. 273 p. (In Russian)

31. Yaminov A.F. *Etnokul'turnaya karta Yuzhnogo Urala v epokhu Zolotoy Ordy / A.F.Yaminov* [Ethnocultural map of the South Urals in the era of the Golden Horde]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the South Urals. Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, 2006, pp. 435–443. (In Russian)

About the author: Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian History of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (3A, October Revolution Str., Ufa 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7243-2588>. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Received August 20, 2019 Accepted for publication November 29, 2019

Published December 29, 2019